

Гидодора в конце концов перевёл взгляд на камень, на котором была вырезана буква А.

— Что касается этого... — Он коснулся кончиком пальца камня. — Ты думал, я заставлю тебя выбирать с помощью божественного языка, языка драконов или каких-нибудь древних наречий и письмен? Нет. Я намерен использовать самую детскую, самую нелепую трехлетнюю выходку.

— Почему? — спросил Поль.

— Почему?

Гидодора повернулся и посмотрел на огромную драконью голову, на те плотно закрытые глаза — глаза, точь-в-точь как его собственные, но в бесчисленное множество раз больше.

— Ты знаешь, в чем главное отличие человека от всего остального?

Поль покачал головой.

Он был всего лишь рабом, знал лишь голод, лишь страх, да то, как в глубине шахты размахивать кайлом, пока руки не покроются кровью.

Поль не знал, чем человек отличается от других животных. На самом деле, за те долгие годы под землей он часто сомневался, можно ли вообще назвать его человеком.

— Человек умеет шутить, — голос Гидодоры вдруг стал очень тихим, словно он говорил сам с собой. — Умеет делать бессмысленные вещи, развлекаться ради самого развлечения. Драконы так не поступают, боги — тоже, и скверна не умеет. У каждого их поступка есть цель, смысл, всё ведет к какому-то результату. Но люди другие — человек станет делать совершенно бесполезные вещи просто ради собственного удовольствия.

Гидодора снова поднял руку, указывая на три камня с выбитыми на них буквами А, В и С.

— Вот почему я воспользуюсь этим. Только так я смогу помнить — помнить, что некогда был человеком.

Поль заворуженно смотрел на него.

В этот момент ему вдруг показалось, что это создание перед ним уже не так страшно. Ужасные вещи не помнят, что когда-то были людьми, и не станут доказывать, что еще живы, с помощью детских игр.

Поль снова посмотрел на три символа.

А, В, С.

Он не знал, что они обозначают.

Но эта остроконечная буква А напомнила ему заснеженные вершины Пиков Метели.

Это была зима на шестом году его жизни — накануне падения Пиков Метели, когда отец нес его на спине через те засыпанные сугробами горные тропы.

Отец оставлял на снегу следы глубиной по колено, и хотя ледяной ветер пробирал до костей, за спиной было тепло.

Тогда отец был еще жив, была жива и мать, и сородичи его тоже были живы, а мир Поля еще не превратился в пепел и шахты.

Но то было много лет назад, это осталось в другом мире.

— Я выбираю это.

Поль решительно указал на первый камень.

Гидодора кивнул.

Громадный валун с высеченной буквой А медленно перевернулся, обнажая нижнюю сторону — а под ней скрывались два сияния.

Одно — алое, как огонь, знойное и пламенеющее.

Другое — чистокровное, как снег, мягкое и лучистое.

Прямо под двумя сияниями было выбито несколько строк. Эти знаки Поль тоже не знал, но едва его взгляд коснулся их, строчки тут же обратились нибелунгским языком:

Сеющие в слезах будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои. Испытания, постигшие вас, не иные, как человеческие. Но перенесенные вами страдания в конце концов станут вашим венцом.

Поль не понимал смысла этих слов.

Но в тот миг, когда два сияния влились в его грудь, он почувствовал, как что-то пускает корни

в его сердце.

Не боль, не тепло — то было чувство, которого он не испытывал уже много лет, и он даже не знал, как его назвать.

— Это...

— Двойной Характер. Мужество и Доброжелательность. Редкость.

В голосе Гидодоры звучали старческая усталость повидавшего виды человека либо пресыщенность того, кто слишком многое повидал в изменчивом мире.

Большинство получает лишь одно. Тебе повезло. Только... мужественные умирают рано, а доброжелательных обижают.

На самом деле Гидодора хотел сказать, но не произнес вслух:

Для подавляющего большинства людей так называемый характер — пустой звук.

Разве характер поможет тебе одолеть демона? Нет. Когти демона не станут медленнее от того, что ты обладаешь мужеством, а его клыки не минуют твоего горла из-за твоей доброты.

Разве характер поможет одолеть дракона? Тем более нет. Когда дракон изрыгает пламя, он не спрашивает, каков ты человек.

Он лишь смотрит, где ты стоишь, а затем обращает тебя и ту землю в пепел.

Ничто из этого не поможет.

Характер лишь позволяет тебе перед смертью думать, что ты поступил правильно — но мертвецу уже все равно, правильно ли всё было, какая разница?

Характер лишь позволяет тебе чувствовать свою правоту, когда тебя притесняют — но притеснение остается притеснением, а правильность не отменит боли от ударов кнута по спине.

Характер — это лишь самообман.

Гидодора видел и слышал слишком много таких людей.

Те мужественные, что погибли как должно; те доброжелательные, что уходили с улыбкой — все они мертвы.

А выживают обычно те, в ком мало и мужества, и доброты.

Эти люди до сих пор дышат, едят, спят и просыпаются следующим утром.

Так что же такое характер?

Не более чем утешение для умерших. Не более чем тяжкая ноша для живых.

Гидодора не стал говорить всего этого.

Незачем.

К тому же все награды были перемешаны случайным образом.

Даже сам Гидодора не знал, что скрывается под каждым камнем.

Таковы правила, установленные еще до начала игры — правила, которые не в силах нарушить даже Создатель.

Гидодора обернулся и посмотрел на Поля.

В его золотопламенных глазах промелькнула насмешливая искорка, а уголки рта изогнулись в многозначительной улыбке.

— Не жалеешь?

Затем он взмахнул другой рукой, и два оставшихся валуна медленно перевернулись.

Под буквой В скрывался меч.

Это была Клятва Цареубийцы — оружие, способное рассечь саму судьбу.

Лезвие его было прозрачным, словно выкованным из света или отполированным из самого забвения.

На рукояти сияли три драгоценных камня: один багровый, как кровь, второй — черный, как

ночь, и третий — белоснежный, как снег. Меч парил в воздухе, безмолвно источая сияние.

Стоило Полю лишь взглянуть на него, как в глазах защипало, будто от уколов игольчатыми концами.

Он также чувствовал: это не то оружие, что смертный способен удержать в руке. Это вещь для тех, кому с рождения предначертано стоять на вершине.

А под буквой С клубился туман.

Это была Кровь Шепчущего — магический дар, струящийся в глубине самой плоти и крови.

Туман бурлил, менял форму, то сгущаясь воедино, то распадаясь на мириады тончайших нитей.

В тумане моргали глаза, звучали шепотки, мелькали осколки бесчисленных миров.

Полю хватило лишь беглого взгляда, чтобы почувствовать, как его сознание затягивает внутрь — те голоса звали его по имени голосом матери, голосом отца, голосами погибших в шахте товарищей.

Поль отвел взгляд и повернулся к Гидодоре.

Поль покачал головой.

— Не жалею, господин. Я знаю, что вы правы. Мужественные умирают рано, а доброжелательных обижают. Я знаю это и видел своими глазами. Те, кто погиб в глубине шахт — среди них были и храбрые, и добрые, и те, в ком сочеталось и то, и другое.

Мужество и доброта не смогли спасти их жизни. Они все равно умерли, и даже имен их никто не помнит.

Но...

Взгляд Поля снова упал на те строчки наставлений. Эти слова все еще звучали в его голове голосом матери.

Ни один из тех людей не пожалел о содеянном.

Те, кто во время обвала возвращались назад, чтобы спасти товарищей, умирали не со страхом на лицах, а с миром — так, будто им наконец предстояло выспаться. Те, кто делился последней каплей воды со слабыми, обрекая себя на смерть от жажды, выпускали дух с улыбкой на губах

— словно увидели нечто недоступное нашему взору. Те, кого забили кнутами, но кто отказался предать друзей — в глазах их сиял свет, ярче любого пламени, что доводилось видеть в шахтах.

Пусть я не знаю, что это за свет, но я знаю: те люди ни о чем не жалели.

Голос Поля становился все спокойнее.

Что же до этого меча...

Он бросил взгляд на Клятву Цареубийцы и тут же отвел глаза. Сияние было слишком ослепительным, а Поль не привык смотреть на слишком яркие вещи.

Даже дай вы мне этот меч, я вряд ли сумею удержать его в руках. А если бы и удержал — вряд ли знал бы, против кого направить лезвие. Я всего лишь раб-хворостинка, человек, выползший из рудника. Я недостойн владеть подобным.

А та кровь...

Поль снова взглянул на Кровь Шепчущего. Голоса всё еще звали его, но он больше не прислушивался.

Даже дай вы мне эту кровь, я вряд ли смог бы обуздать ее. Я едва знаю пару букв, что мне с ней делать? Призвать снежную бурю и заморозить себя самого?

Уголки губ Поля чуть приподнялись — впервые за эти дни он улыбнулся.

То, что я сумел выжить — уже ваша милость. Право слово, это куда больше того, чего я заслуживаю.

Поль поднял голову и твердо посмотрел в золотопламенные глаза Гидодоры.

Поэтому, господин, я не жалею. Стоило мне увидеть ту букву А, как я понял: это мой выбор. И что бы ни предстало моим глазам после, это лишь укрепило мою уверенность — я выбрал именно то, чего желал.

Я доволен.

Но едва затихли его слова, лава вокруг Поля внезапно затрещала — нет, не затрещала, а зацвела, словно проживающий всю свою жизнь за одно мгновение цветок.

Бесчисленные водовороты увлекли его за собой, и Поль не успел даже вскрикнуть, как рухнул

в беспредельную тьму.

Его тело проносилось сквозь слои меняющей цвета лавы.

Каждый слой был отдельным миром, каждый мир — сном.

Он видел себя бегущим по снегу в детстве, видел отца, несущего его на спине через перевал, видел мать, поющую у очага — а затем эти картины раскалывались, превращаясь в мрак шахты, в стук кайла о камни, в лица погибших при обвале товарищей.

Эти лица смотрели на него и улыбались.

А следом воцарилась бесконечная тишина.

Поль лежал в беспросветной тьме, словно глубоко зарытое в землю семя.

Голос Гидодоры эхом разносился у него над ухом, доносясь откуда-то из другого конца света:

— Семя я тебе дал. Возделывать же землю тебе придется самому.

<http://bllate.org/book/19072/1873297>